

Он быстр, очень быстр, выпускает шквал вращающихся ударов, которые заставляют меня отступить, и хотя я быстрее, он доказывает свое гораздо большее мастерство, используя каждую неудачную атаку, чтобы настроить следующую, нацеливаясь на слабые места в основной защите, которую я выставил.

И все это время, пока он изо всех сил пытается ударить меня по голове, я наблюдаю за каждым его движением.

Обучаюсь.

И только когда он входит с размашистым ударом в мое левое бедро, я контратакую, вырывая страницу из его книги о том, как он использует инерцию своего тела, чтобы подпитывать и связывать свои удары, когда я поворачиваюсь и поднимаю колено, ударяя его в ногу и отбрасывая назад, заставляя его потерять равновесие всего на долю секунды.

В мгновение ока я вытягиваю ногу, мой ботинок врезается ему в грудь и отбрасывает его на десять футов назад, где он падает на землю, не издавая ничего, кроме болезненного стога.

Пока он быстро поднимается на ноги (стараясь не давить на треснувшие ребра), я снова медленно опускаю ногу, все еще стоя в идеальном равновесии на одной ноге, прежде чем опустить другую и снова ослабить стойку.

И в этот момент Эрик снова бросается в атаку.

Я должен отдать должное парню, даже с треснувшими ребрами он не сильно замедлился и теперь даже подходит ближе, чтобы добавить удары к своим атакам.

И все же я учусь.

Когда он вскакивает, я поднимаю руку, чтобы заблокировать его летящий удар, ненадолго заслоняя свой обзор, что он немедленно использует, протаранив коленом мою диафрагму, и в тот момент, когда он приземляется, он поворачивается вперед с локтем, готовым ударить в то же самое место снова, явно пытаясь покалечить меня как можно быстрее.

К сожалению, как бы он ни был силен, он недостаточно силен, чтобы по-настоящему повредить мне, и вместо того, чтобы задыхаться от его удара коленом, я все еще свеж и поворачиваю свой торс в сторону, позволяя ему скользить передо мной.

Я вижу, как его глаза расширяются от шока в тот момент, когда он осознает, какую брешь он оставил, но к тому времени уже слишком поздно.

Теперь позади него, после его неудачного удара локтем, я бросаюсь вперед, мои массивные руки обхватывают его за талию, и прежде чем он успевает отреагировать, я поднимаю его

вверх над головой, а затем швыряю его на землю, выбивая дыхание из его легких.

Пока он лежит, хватая ртом воздух, мой ботинок врезается в его бок, поднимая его и отправляя в полет в один из штабелей ящиков, позволяя ему упасть на землю у подножия небольшой горы.

Я терпеливо жду, пока он восстановит дыхание (2 минуты, несколько определенно сломанных ребер, вероятно, никак не помогают), и когда он поднимается на ноги, он немного покачивается, но убийственный взгляд в его глазах ни на йоту не потускнел, и когда он смотрит прямо в мои пылающие глаза, он фыркает с отвращением и выплевывает комок крови, прежде чем расправить плечи и снова встать в стойку.

На этот раз я подхожу к нему, выпуская несколько пробных ударов, наши различные уровни мастерства сразу же становятся очевидными по сравнению с его предыдущим шквалом плавных атак. Напротив, все мои собственные атаки очень телеграфированы и явно не являются частью более крупной комбинации, как у него.

Эрик умудряется воспользоваться моим недостатком мастерства, направляя мои тяжелые удары руками, а не пытаясь заблокировать их силу. Каждый раз, когда он уклоняется или отталкивает один из моих кулаков в сторону, он использует созданную им брешь, нанося мне удары коленом и быстрые серии ударов.

Но он устал.

Я нет.

После почти целой минуты моих неопытных нападений на проворную фигуру Киллмонгера, он оказывается всего на полсекунды опоздавшим, чтобы должным образом увернуться от одного из моих ударов, который врезается его в плечо.

Обычно такого удара было бы недостаточно, чтобы нанести существенный вред, особенно против кого-то калибра Киллмонгера, но в сочетании с его нынешним состоянием и моей огромной силой, это почти заставляет его вращаться.

Сразу же, как я узнал от него, я использую брешь и бью его в грудь левым хуком, отправляя его обратно в ящики, и когда он шатается, я поворачиваюсь и бью его прямо в печень правой, заставляя его задыхаться, хотя ни звука не ускользает от него. Поскольку он не может не свернуться калачиком. Я стреляю в его левый бок, высоко подняв кулак.

Он поднимает руку в защиту (впечатляет, учитывая состояние, в котором он находится, и насколько я быстрее), но это бесполезно, когда я отпускаю его, мой кулак врезается в его слабую защиту и в челюсть, заставляя его рухнуть на землю.

Я чувствую, как его челюсть вывихивается под моим кулаком, и когда он падает, впервые за время нашей схватки он на мгновение остается неподвижным, его мир наполняется взрывающейся болью.

Однако он производит на меня впечатление, приподнимаясь на дрожащих руках и глядя на меня убийственным взглядом. Затем он встает и заканчивает это, схватив свою вывихнутую челюсть одной рукой и возвращая ее на место с не более чем ворчанием (я чувствую легкую тошноту от звука лопнувшей кости, хотя, надеюсь, это не отражается на моем лице).

А потом он делает вращающийся удар, который попадает мне в колено сзади, заставляя его рухнуть подо мной. В то время как я опускаюсь ниже, он поворачивает вращение своего удара в прыжке к ящику, в который я врезался, отталкиваясь в тот момент, когда его ноги коснулись дерева, поднимаясь в обратном сальто, одна нога вырывается и врезается в мою скулу, заставляя мою голову откинуться в сторону.

В тот момент, когда он приземляется, все еще застигнутый врасплох, он взрывается, пригвождая меня в грудь летящим коленом, заставляя меня упасть на землю с ним, стоящим на коленях поверх моего торса.

И он начинает рыдать мне в лицо, все время рыча от боли и ненависти.

Я чувствую удары, но они точно не причиняют боли; лучшее, что я могу описать ощущение его ударов, врезающихся в мою сверхплотную кожу и мышцы, - это как будто меня несколько раз коротко, но твердо толкнули.

Конечно, ты это почувствуешь, но тебе это не повредит.

Примерно через двадцать секунд, когда он выплескивает всю свою ярость, он наносит последний удар мне в лицо с последним криком напряжения. Я медленно поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него, удивляясь тому, что чувствую на своей щеке.

Подняв руку, чтобы потереть пятно на моем лице, мы с Киллмонгером изумленно смотрим на пылающую, горящую кровь на моих пальцах.

Глядя на шок, который я вижу в глазах Эрика при виде перегретой жидкости на моих пальцах, я просто не могу сдержать улыбку, растущую на моем лице.

"Все это... за каплю крови."

С этими словами я подхожу и бью его головой в грудь, сбрасывая с себя. Мы оба с трудом поднимаемся на ноги, но он устал, весь в крови и сломан, и если не считать небольшого пореза на скуле, я все еще так же свеж, как и в начале.

И с этим я возвращаюсь снова, на этот раз мои атаки заметно лучше, чем пять минут назад. Я вижу, как глаза Эрика расширяются, когда он понимает, что я сковываю свои атаки точно так же, как он делал всю нашу битву.

Каждый раз, когда он находит брешь в моей защите и использует ее, в следующий раз, когда он пытается сделать то же самое, я полностью блокирую его. Каждый раз, когда он блокирует или уклоняется от одного из моих ударов, следующий соединяется безупречно.

Все это сводится к безжалостному избиению, поскольку я постепенно изматываю его, в то время как моя регенерация держит меня на вершине.

Все заканчивается, когда он блокирует один из моих ударов слева. Видя, что его живот не защищен, мой правый кулак щелкает вперед в идеальной копии десятков ударов, которые он нанес мне сегодня.

Ударив его в живот, Киллмонгер падает с болезненным стоном. Не останавливаясь, я делаю шаг вперед, поднимая колено в жестком ударе по его подбородку, резко выпрямляя его тело, его ноги почти отрываются от Земли. Когда он медленно опрокидывается назад, моя рука выстреливает, хватая его за горло, прежде чем оттащить назад.

Я поднимаю его высоко над собой в воздух одной рукой и быстро шагаю к простреленному столу несколькими большими шагами, прежде чем вскочить самому и с грохотом сбить солдата-спецназовца прямо сквозь мебель.

Когда я выпрямляюсь, Киллмонгер уже не встает.

Я стою рядом с его изломанным телом и смотрю на человека, который когда-то почти завоевал страну Ваканда. Он едва цепляется за сознание, и когда он смотрит на меня, я вижу понимание в его глазах.

Он умирает.

Я слишком сильно повредил его органы, ребра и позвоночник, чтобы он мог выздороветь без обширной операции и длительного пребывания в больнице, которые он вряд ли получит в захудалой дыре, которая когда-то была базой Кло.

Но я могу предложить ему кое-что получше.

Когда дверь в задней части склада открывается, мягкие шаги приближаются к нам, я присаживаюсь рядом со сломанным торговцем убийствами, не сводя с него пристального взгляда.

-Ты истекаешь кровью, Н'Джадака, сын Н'Джобу, точно так же, как если бы ты бросил вызов

убийце. Но я предлагаю спасение! Я предлагаю тебе шанс стать сильнее, встать над сломанной фигурой Черной пантеры, как я стою сейчас над тобой."

Когда я заканчиваю говорить, Штейн подходит ко мне, глядя на призрака JSOC с замкнутым выражением лица, в его руке шприц с ярко горящей сывороткой внутри.

Экстремис.

Глаза Киллмонгера на мгновение расширяются при виде мутировавшего ученого, прежде чем его взгляд снова возвращается ко мне.

- Все, что тебе нужно сделать...." Я протягиваю руку к морпеху: "... принять."

На мгновение в его глазах появляется нерешительность, но в конце концов боль и надвигающаяся смерть, а также шанс сделать то, что я сделал с ним, с Черной Пантерой, побеждают, и он издает слабый стонущий звук, его рука медленно, дрожащая, поднимается из осколков стола, на котором он лежит.

И он берется за мою рук.

В тот момент, когда он это делает, Штейн делает шаг вперед, вводит иглу в Эрика, а затем поспешно покидает сцену резни, в которую превратился склад, не оглядываясь, когда я следую за ним, хватая благоговейно выглядящего Кло с земли, куда он бросился, когда я подошел к столу, под которым он прятался во время моей схватки с Киллмонгером.

А позади нас в ночи раздаются крики Эрика.

<http://tl.rulate.ru/book/49515/1245530>